

Р29,834 АКТОР ГУСЕВ

СТИХИ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 28
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1912

ВИКТОР ГУСЕВ

С Т И Х И

Издательство „Правда“
Москва—1942

Отв. редактор—Е. ПЕТРОВ

Издательство «Правда»		Изд. № 287
А50916	Заказ типогр. 1037	Тираж 50 000
Формат бумаги 106×148 мм	Печ. л. 1¼	Зн. в 1 ц. л. 43 210
Цена—20 коп.		Подп. к печ. 24/VI 1942 г.

Типография «Красное знамя», Москва, Суцневская, 21.

ПИСЬМО НА ФРОНТ ПО РАДИО.

Здравствуй, Паша!

Я очень рада,

Что могу тебе передать привет.

Ты прости, я волнуюсь. Радио.

А у меня привычки к радио нет.

Но очень мне хочется, чтоб мое слово

Пролетело, пробилось сквозь туч полотно,

Чтоб в сраженьи, в бою суровом,

Разыскало тебя оно.

Что сказать о себе? Не знаю.

О тебе я думаю ночью и днем.

Песню, Пашенька, вспоминаю

Ту, что пели с тобой вдвоем.

Помнишь?

Речка, кусты густые,

Лодки, шутки, цветы, трава.

И такие, совсем простые,

Песни ласковые слова:

— Над рекой опускается вечер,

Тихий ветер плывет над тайгой.

Полчаса нам осталось до встречи,

Не опаздывай, мой дорогой.

Далека, далека эта песня.
Знойный август обжег кусты.
И три месяца мне неизвестно,
Что с тобою и где же ты?
Я в газете вчера прочитала,
Что в сраженьи, почной порой,
Возле Энска боец Привалов
Проявил себя как герой,
Что он дважды ходил в атаку,
Что в сраженьи он стоек был,
Что два танка, фашистских танка,
Он гранатами истребил.
Хоть не названо имя в газете,
Просмотрела я все листы,
Хоть Приваловых много на свете,
Но я знаю, что это ты.
Ты навстречу огню и дыму
Шел вперед с открытым лицом,
Мой товарищ и мой любимый,
Ты не можешь не быть храбрым.
Если ж это другой Привалов,
Пусть он слышит на фронте, там:
Тот привет, что тебе посылала,
С уваженьем ему передам.
Я желаю ему здоровья,
Коль смогла б,—принесла бы цветы.
Если нынче он стал героем,
Завтра станешь героем ты,
Потому что мы вместе, рядом,

Все воюем, в одном строю
Бьемся с черным и страшным гадом
За отчизну, за жизнь свою,
И за то, чтоб свободные песни
Зазвенели над светлой землей...
Жаль мне, Паша, что неизвестно,
Где теперь ты и что с тобой.
Но я знаю, Паша, я знаю,
Что с тобою мы встретимся вновь.
Пусть поддержит тебя живая,
Молодая моя любовь.
Так воюй же за наше счастье
И за солнце в нашем саду
И с победой возвращайся.
Постучись в мою дверь. Я жду.
А любимую песню нашу,
Ту, что в памяти я храню,
Я сейчас повторю тебе, Паша,
Лишь слова чуть-чуть изменю:
— Над рекой опускается вечер,
Тихий ветер плывет над тайгой.
После нашей победы я встречу
Над рекой тебя, мой дорогой.

Сентябрь 1941 г.

Страх за нее врывается в сердца,
В сердца бойцов, привыкших храбро биться.
Она идет сквозь смертную грозу,
И шепчет раненый:

«Сестра моя, сестрица,
Побереги себя. Я доползу».
Но не боится девушка снарядов;
Уверенной и смелою рукой
Поддержит, вынесет бойца —
и рада,

И отдохнет чуть-чуть — и снова в бой.
Откуда в маленькой, скажите, эта сила?
Откуда смелость в ней, ответьте мне, друзья?
Какая мать такую дочь взрастила?
Ее взрастила родина моя.
Сейчас мы говорили о героях,
Глядевших смерти и свинцу в глаза.
Я помню мост,

сраженье над рекою,
Бойцов, склонившихся над раненой сестрою.
Как я смогу об этом рассказать!
На том мосту ее 'сразил осколок.
Чуть вздрогнула она, тихонько прилегла.
К ней подошли бойцы, она сказала: «Скоро...»
И улыбнулась нам и умерла.
Взглянули б на нее, сказали бы: девчонка.
Такой на фронт? Да что вы? Убежит.
И вот грохочет бой,
и мчатся пули звонко.

ЛЕНИНГРАД

Где бы ты ни был, товарищ,—
на дальневосточной границе,
Или в Арктике снежной,
или в южном Крыму,
В эти дни к Ленинграду
твоя мысль устремится,
Твое сердце, товарищ,
обратится к нему.
Как мы любим его,
как он близок и дорог
Всем республикам,
Волге, Уралу, Москве,
Этот город великий,
замечательный город,
Что лежит на широкой,
могучей Неве.
Мы к нему обращались
в дни торжеств всенародных,
Каждый дом, каждый город
был счастлив и рад,

Когда голос вдали
 раздавался свободный:
«Говорит Ленинград.
 Говорит Ленинград!»
И казалось всем нам:
 по широким проспектам
Мы идем
 и могучие песни звучат.
Как он дорог и близок,
 прекрасный и светлый
Город, названный
 именем Ильича!
Сыну я говорил:
 «Подрастешь, дорогой мой, немного,
Я тебя повезу в Ленинград,
 в город юности дальней моей,
Побродить по садам,
 по мостам, по дорогам,
Подышать его воздухом,
 воздухом бурных морей».
И вот к этому городу,
 городу счастья и славы,
Сея смерть и насилия,
 злобу и мрак,
Приближается хищный,
 жестокий, коварный,
Нас и наших детей
 ненавидящий враг.

Так вздымайся же выше,
волна всенародного гнева,
Встань заслоном стальным
у врага на пути!
Поднимись, наша ненависть,
вплоть до самого неба,
Неприступной стеной
Ленинград защити!
Город Ленина знал
дни боев и тревоги.
Ленинградцы — бесстрашные люди,
и им воевать не впервой.
От родимых застав
по военной дороге
В бой уходят отряды,
за родину в бой.
Это кировцы,—
это особые люди.
Это сталинцы,—
это советский народ.
Враг стремится вперед,
но разбит и раздавлен он будет
И конец свой бесславный
в могиле найдет.
После нашей победы
по улицам светлым,
Среди шумной толпы
и веселых огней,

По мостам Ленинграда,
по широким проспектам
Мы, волнуясь,
своих поведем сыновей!

Август. 1941 г.

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Гудит над снегами в ночи самолет.
Куда направляется? Что он везет?
Куда он спешит, краснозвездный?
Удачи ему пожелаем, друзья.
Летит он на Запад, в родные края
Торопится ночью морозной.

Внизу притаились деревья во мгле.
Лютуют враги на советской земле,
Ползут, кровопийцы и воры.
Замерзшие дети в сугробах лежат.
От партизанского свиста дрожат
В угрюмых домах мародеры.

Летит самолет над полями войны,
Над горем и пеплом родной стороны,
Над жизнью разбитой крестьянской.
Вот летчик ракету бросает во тьму —
И где-то внизу отвечает ему
Условный огонь партизанский.

Посадка. Метель и седые кусты.
И люди выходят из темноты
С оружием в руках на полянку.
И летчику руку могучую жмут,
И в губы целуют, и молча ведут
Московского гостя в землянку.

Мерцают цыгарок огни-светляки.
Негромко пилот говорит: «Земляки!
Герои лесного отряда,
За то, что бесстрашно воюете вы,
Приблиз я от Сталина вам, из Москвы,
Поклон, и любовь, и награду».

А снежная шучка мрачна и черна.
За лесом вдали перестрелка слышна.
И летчик ларец открывает.
А свечка дрожит, и землянка темна.
Берет он наощупь в ларце ордена,
Безвестным героям вручает:

«Прими же свой орден, могучий старик.
Ты годы, как версты, считать не привык
Ползешь ты беззвучно по склонам.
Воюешь в лесах за родные края.
Недаром, старик, молодые друзья
Твой возраст зовут непреклонным.

Прими же свой орден, мальчишка, сынок.
Ты вражью колонну в болото завлек,
Ты выследил штаб их походный.
Шагают убийцы, их руки в крови,
Выслеживай, бей их, гранатами рви,
Ты, юноша, мститель народный.

И ты, партизанка, свой орден прими.
Что сделали гады с твоими детьми!
Замучили бедных, убили.
Ты чудом в тот вечер от пули спаслась
И мстишь кровопийцам,
 как мстить поклялась
В ту ночь на сыновней могиле.

Громите захватчиков ночью и днем.
Воюйте и знайте: мы скоро придем.
Ночами, в просторах морозных,
Прильните к земле, и услышите вы,
Как танки на Запад идут от Москвы
Под сенью знамен краснозвездных.

Воюйте. Прощайте. До встречи, друзья.
Как братьев родных вас приветствую я».
Героев пилот обнимает
И улетает как ветер во тьму,
И понапрасну вдогонку ему
Зенитка фашистская лает.

А снежная ночь мрачна и черна,
По тропка в лесу партизанам видна,
Знакомы холмы, косогоры.
И рвутся гранаты, и пули жужжат,
От партизанского свиста дрожат
В угрюмых домах мародеры.

1942 г.

МАТЬ И СЫН

В далекий дом в то утро весть пришла.

Сказала так:

— «Потеря тяжела.

Над снежною рекой в огне, в бою

Ваш муж отчизне отдал жизнь свою».

Жена замолкла. Слов не подобрать.

Как сыну, мальчику, об этом рассказать?

Ему учиться будет тяжело.

Нет, не скажу.

А за окном мело,

А за окном седой буран орал.

А за окном заводы, снег, Урал.

А в школу та же весть в тот день пришла,

Сказали: «Школьники, потеря тяжела.

Отец Володи вашего в бою

Отчизне отдал жизнь прекрасную свою».

И сын об этом от товарищей узнал.

Сидел среди друзей, весь вечер промолчал.

Потом пошел домой и думал он: как быть?

И матери решил не говорить.
Ведь нынче в ночь ей на завод идти.
Об этом скажешь, — не найдет пути.

С тех пор о нем и вечером и днем
Они друг другу говорят как о живом,
И вспоминают все его слова,
И как он песни пел, как сына целовал,
И как любил скорей придти домой,
И он для их любви действительно живой.
Вот только ночью мать слезу смахнет,
В подушку сын украдкой всплакнет,
А утром надо жить, учиться, побеждать.

Как силу их сердец мне передать!

1942 г.

БРАТСТВО ГЕРОЕВ

Жил-был в городе парень
самой обычной жизнью.
Ничем он не выделялся —
ни речами и не лицом.
В жаркий июльский полдень
его позвала отчизна.
В жестоком пламени боя
стал паренек бойцом.
Шел паренек в разведку,
бродил по вражьему следу,
Тяжко ему приходилось,
но он говорил: «Иди!»
Сквозь черное облако боя
он видел нашу победу
И счастье свое человеческое
видел он там, впереди.
Жил-был старик-профессор.
Соседи шептали: «Тише!»
Сергей Сергеич работает,
весь в формулах, в чертежах».

Но в грозные дни бомбежек
профессор полез на крышу
И сбрасывал зажигалки
с девятого этажа.
Звучали слова отбоя,
и прерванную беседу,
Беседу с книгами, с формулами,
снова старик начинал.
Вдали грохотали зенитки.
Он верил в нашу победу —
Для молодых победителей
он книгу свою сочинял.
Жил молодой композитор
в городе осажденном.
Дежурил в часы тревоги.
Тьма. Часовых шаги.
Над городом знаменитым,
над зданием многоколонным,
В сером тумане метались
яростные враги.
Навстречу огню и смерти
шли спокойные люди.
Рвалась канонада в окна,
и стены взрыв сотрясал.
Сердцем своим композитор
в проеме и реве орудий
Слышал нашу победу
и о победе писал.

Техник, властитель природы,
встал над великой рекою.
Взглянул он — заря окрасила
бескрайний простор небес.
Сжал он свое сердце
и с поднятой головою
Взорвал он свое детище—
построенный им Днепрогэс.
Пошел он по узенькой тропке,
и скорбь шла за ним по следу,
И тучи над ним проносились,
и ветер над ним кричал.
Но где-то за грохотом взрыва
он слышал нашу победу,
И новые гидростанции
он в смутной дали различал.
Многие наши товарищи
домой никогда не вернутся.
Снега зашумят над могилами,
зашелестит трава.
Глаза наших братьев закрыты,
сердца наших братьев не бьются.
Шалки долой, товарищи!
Воля героев жива.
Они от Москвы отбрасывали
полчища людоедов,
И, падая наземь, в сраженьи,
в черном лесу, в темноте,

Они перед смертью видели
 светлое утро победы,
Огни городов освещенных
 и счастье своих детей.
С каким могучим потоком,
 с какую высокой горою
Смогу я сравнить благородство
 и мужество наших бойцов?
Бессмертная дружба народов,
 великое братство героев,
Не склонившееся перед танками,
 окрепшее под свинцом.
Бои отгремят и стихнут.
 Чуму уничтожат народы.
Ворвется в раскрытые окна
 радостный мирный день.
И станет для человечества
 на многие, многие годы
Источником вдохновенья
 мужество наших людей.

1942 г.

И стала смерть началом их бессмертья.
Такой народ не будет побежден!
Снега, снега!

В разгаре бой, атака.
Огонь Свинец.

Метель кружит и вьет.
Из подземелья лает как собака
Оскаленный фашистский пулемет.
Он замедляет наше продвиженье,
Закрытый в землю злобный, хриплый

ГНОМ.

Разбитый враг
опять идет в сраженье,
Поддержанный его губительным огнем.
Пройдут минуты —

будет бой потерян,
Опомнится, окрепнет враг. Беда!
Тогда ползет вперед боец Падерин.
Запомним это имя навсегда.
Товарищ наш ползет в халате белом,
И русская метель над ним летит, поет.
И телом он своим,

своим горячим телом,
Фашистский закрывает пулемет.
И вмиг десятки пуль его пронзают.
Но, умирая, слышит, слышит он:
Бойцы идут вперед, они врага сметают.
Такой народ не будет побежден!

Заломнив боевые песни дедов,
Завет отцов и слово матерей,
Пошел на битву
Истрафил Мамедов —
Азербайджанец,
внук богатырей.

Он высоко родное знамя поднял,
И, на посту в бою суровом встав,
Он семьдесят фашистских жизней отнял.
Своей прекрасной жизни не отдав.
Узбек Москву родную защищает.
Украинец к победе устремлен.
Казах в бою грузину помогает.
Такой народ не будет побежден!
Фашисты к нам шпионов засылали.
Они в ночах ползли во все концы.
Заглядывали в дверь.

Следили. Узнавали.

Но сердца родины моей не знали
И не могли узнать,
кровавые глупцы!

Они-то думали:
мы побежим как зайцы.

Лишь испугай — и мы лежим в пыли.
Хотелось им средь нас найти мерзавцев,
Каких они во Франции нашли.
Глупцы, кровавые глупцы!
Они не знали,

Когда в берлинской мгле,
в ночной тени

Они поход кровавый замыслили,—
Какую бурю к жизни вызывали,
Какой себе удел
готовили они.

Глупцы, кровавые глупцы!

От края и до края
Поднялся наш народ, великий, трудовой,
И, мужеством своим планету восхищая,
Он принял бой,
жестокий, смертный бой.

Он много перенес.

Он видел разрушение
Любимых городов и смерть своих детей.
И запылала в нем
святая жажда мщенья,

Окрепла в нем стократ
любовь к стране своей.

Он в бой идет железными рядами,
И слово Сталина в сраженьи слышит он.
Над ним сверкает ленинское знамя.
Такой народ не будет побежден!

НАША МОСКВА

Когда скажешь «Москва»,
откликается каждый.
Мы любили Москву
в наши мирные дни.
Нашей мысли полет,
сердца нашего жажду
Утоляли Москвы
золотые очи.

На заре мы вставали
и здоровались с нею,
По мостам ее ночью
мы любили бродить.
Мы любили Москву,
и, казалось, сильнее
Невозможно уже
нам ее полюбить.

А потом мы Москву
увидали другою

Шел июнь, и в садах
шелестела трава.
И вдвойне тогда стала
для нас дорогею
Затемненная, грозная
наша Москва.

И какой наши души
суровой наполнились болью,
И какая нам ненависть
сердце сжимала и жгла,
Когда то, что мы строили
с нежностью и любовью,
Когда то, что мы нянчили,
бомба на части рвала!

И такую Москву
мы, друзья, полюбили
Еще больше, еще горячей
и сильней.
С ней тревоги делили,
с ней в походы ходили.
И всегда наше сердце,
товарищи, — с ней.

После нашей победы
ты раны залечишь,
Город наш дорогой,
сердце родины милой моей.

День весенний придет,
первомайский опустится вечер,
И зажгутся на улицах
тысячи тысяч огней.

И с друзьями, с любимыми
в шумном московском народ
Мы тогда растворимся,—
по проспектам пойдем молодым.
Над рекою походим,
по мостам мы побродим,
На знакомых бульварах
посидим, помолчим.

Так живи же и здравствуй,
наш город чудесный,
Наше счастье и наша надежда —
Москва!

Так звените и лейтесь,
слова нашей песни,
Обращенные к сердцу,
простые слова:

— Если ты хоть день в Москве
пробудешь,
А потом уедешь на года,
Никогда Москву не позабудешь,
Разлюбить не сможешь никогда.

СУДЬБА НАРОДА

Солдат немецкий по земле проходит,
Как смерть и как чума. Позор и стыд!

Бывает власть, которая в народе
Все качества его хорошие растит.
Так власть Советов все народы наши
Рукой могучей двинула вперед.
И еще более велик,
прекрасен и бесстрашен,
Стал благородный, гордый наш народ.
Он храбрым был — и стал храбрее вдвое.
Сердечным был — сердечней стал вдвойне.
Народ певцов, строителей, героев,
Великий и в труде и на войне.
Пред ним склонилась дикая природа.
Ему земля богатства отдала.
Так власть Советов
качество народа
Своей рукою мудрой подняла.

Бывает власть,
 которая в пароде
Не создает, не строит ничего.
Бывает власть,
 которая доводит
До уровня звериного его.
И застилает взор его свободный,
Пуская расовых теорий дым.
И чувства темные
 в душе народной
Растит, ликуя и глумясь над ним.
Так власть фашистов
 у потомков Канта
Свободу чувств и мыслей отняла
И вместо благородства и таланта:
Им качества убийцы привила.
И наспех библию народу сочинила,
Исполненную бреда, чванства, зла.
Набила злобой,
 спесью начинила
И в руки автомат ему дала.
Сказала: все твое—дома, сердца и вещи.
Насилуй, грабь. Иди с мечом, с огнем.
И стало темным пламенем зловещим
Все то, что раньше искрой тлело в нем.
И он ползет, как вошь, по мирным тропам
И сеет смерть,
 струит змеиный яд,
И дети на развалинах Европы

О нем с тоской и страхом говорят.
И он ползет,
 и матери и жены
Ему вослед свои проклятья шлют,
И он ползет,
 и трубы хат сожженных
Как памятники зверств его встают.
И нет гнуснее этого похода,
Но мчится конница,
 орудия гремят,
И армии советского народа
Для блага мира
 хищников громят.
Нет, людоедам в мире нету места.
Свобода, честь живут
 и будут жить.
Нет, не легко тебе, народ немецкий,
Вновь уваженье мира заслужить.
Тобой
 твоя поругана отчизна,
Но, жизнь любя
 и солнца свет любя,
Пойми одно, —
 что только смерть фашизма
Спасет от черной гибели тебя.

СВЕТЛЫЙ ГОРОД

Под бомбежкой, в огне и в холоде,
В затемненной своей норе
Мы мечтаем о светлом городе,
Что стоит на высокой горе.
От воздушных тревог далек он.
Ни один в нем фонарь не погас.
И покой его мирных окон
Не смутил ни один фугас.
Как заря, безграничен и светел,
Он не знает бессонных ночей.
В нем родители маленьким детям
Дарят лампочки в сотни свечей.
Если снег в нем, — то свет превращает
В изумруды снежинок поток.
Если осень, — фонарь освещает
Упадающий наземь листок.
Если дождик, — то струи засвищут,
Озаренные сотней огней,
В нем лишь только влюбленные ищут

Темных мест и уютных теней.
Каждый дом освещен в нем, и в каждой
Жизни светлая лампа горит.
Как вода, утоляющий жажду
Ровный свет в переулках разлит.
Припадем же к нему губами,
Почерневшими от темноты.
Утолим же его огнями
Нашу жажду и наши мечты.
Но воздушная воеет тревога,
Мы встаем по призыву гудка.
Коротка нам на крышу дорога,
А в тот город она далека.
Но дорогу суровую эту
Мы с тобою, товарищ, пройдем
И устами горячими к свету,
К свету наших огней припадем.

КРОВЬ ДЕТЕИ

Где мне найти слова,
как вынести мне муку,
Какою местию отомстить врагу?
Как мне забыть ту худенькую руку,
В лесах можайских стывшую в снегу?
Спи, девочка!

Две маленькие ранки.

Пробита грудь. Где твой отец, где мать?
Идут вперед, на запад наши танки,
Слезу танкист не может удержать.
Кто ты, ребенок? Чьей надеждой светлой
Выла ты, девочка, убитая врагом?
Шумят снега, встревоженные ветром,
Угрюмые леса раскинулись кругом.
Родная сторона, ты плачешь о ребенке,
Грустят леса в седых снегах, в ночи,
О взгляде светлом и о смехе звонком,
О песне, что уже не зазвучит.
Мы школы строили, вокруг сады сажали,

Вы протяните маленькие руки
Ко мне, сюда, за горы и леса.
Пусть грусть моя, печаль моей разлуки,
Вдали услышит ваши голоса.
Да! Гнев и месть сверкают в нашем взоре.
Они страшней свинца, грознее лютых гроз.
О, как мы ненавидим тех, кто горе,
Огонь и смерть в наш мирный край принес!
Нет, не забыть мне худенькую руку,
Седой сугроб и лес по сторонам.
За каждую слезу, за каждую разлуку,
За кровь детей враги ответят нам.
Над пеплом городов, над черным горем наших,
Греми, орудий огненная речь,
Чтобы приблизить день победы нашей,
День смеха детского,
 день радости,
 день встреч!

ВЕСТНИК НАШЕЙ БУРИ

В избушке маленькой, в ночи глухой, угрюмой,
Сидели мы вокруг старого стола.
Беседа прервалась, и каждый думал
О чем-то о своем, и ночь тревожно шла.
В углу при тусклом, беспокойном свете
Боец читал под орудийный гул.
Я подошел к нему, он не заметил.
Из-за плеча я в книгу заглянул.
То Горький был.

Читал водитель танка
О том, как люди к солнцу шли вперед.
Как путь в лесах отыскивал им Дэнко,
И как он сердце отдал за народ,
Как факелом оно в ночи пылало
И освещало путь, звало уставших в бой.
И в этот миг слепой кусок металла,
Стоная и урча, промчался над избой.
Но к вою мин, к свинцовой грозной песне
Привык боец в походах и в борьбе.

Он все читал о юноше чудесном,
Читал о Данко, словно о себе.
В ту ночь мы ни о чем не говорили,
К чему слова, когда сердца близки!
Бойцы шинели на пол постелили.
Во тьме мерцали трубок огоньки.
Я рано встал.

Но где ж водитель танка?

Он еще затемно ушел в снега, в мороз,
Уехал он на фронт и книжечку о Данко,
Легенду Горького в сражение повез.
А немцы рвут, сжигают книги эти.
Забудь о вольных песнях, человек!
К чему читать о солнце и о свете
Тем, кто рабами должен стать навек.
Мечты запрещены. Глупы, жестоки,
Враги сжигают все, не ведая о том,
Что строки пушкинские,

горьковские строки

Мы сквозь огонь сражений пронесем,
Что мы покончим с вражеским застенком,
Что наш народ на бой суровый встал
За землю, о которой пел Шевченко
И о которой Горький тосковал,
За то, что он любил:

за русские равнины,

За песню волжскую, за Ильмень голубой,
За тихий Дон, за степи Украины
Ведем мы бой, жестокий, смертный бой.

Безумство храбрых в битвах впомним,аем,
Когда идут разведчики во тьму.
Любовь к России мы соединяем
С любовью к человечеству всему.
О, слава Горького, ты стала нашей славой!
Как радостно нам знать:

 он между нами жил,
По нашим селам шел,
 по нашим рекам плавал
И с Лениным и Сталиным дружил.
Грохочет бой.

 Где ты, водитель танка?
Куда тебя закинула война?
Быть может, ты убит и книжечка о Данко
Твоею кровью, друг, обагрена?
Нет, верю я:

 ты мчишься, брови хмуря,
Сквозь талые весенние снега,
Ты мчишься в бой,
 как вестник нашей бури,
Сметающей кровавого врага.

ДРУЗЬЯ ЛЕЙТЕНАНТА МОРОЗОВА

Не знаете вы лейтенанта Морозова?
У того лейтенанта небольшая семья,
И послал он привет ей в леса березовые,
В освобожденные нами края.
И привет тот помчался на радиоволнах.
Ночь наступила, за нею рассвет,
День пролетел, и вечером темным
К Морозову в дверь постучался ответ.
Но не родные ответ тот писали,
Не те, что в далеком живут краю,
А незнакомая девушка Валя
Карточку вдруг прислала свою.
А вот и приписка и адрес обратный.
Смущеньем девичьим строчки полны:
Как верному другу,
 как старшему брату,
Как храброму воину нашей страны.
Нежность и дружба в тех строчках звучали.
Сто раз перечитывать я их готов.
А утром к Морозову в дверь постучали:
Восемь писем
 из восьми городов.

И, все сложив их в пачку одну,
Письмоносец Митя сказал: «Ну-ну!»
Письма! Одно родилось на Волге,
В другом бушевала Кама-река,
Третье проделало путь недолгий
Из подмосковного городка.
А это промчалось сквозь бури и вьюги
Из сказочных древних ветлужских лесов.
Звенели те письма, письма-подруги,
Сотнями девичьих голосов:
«Друг наш далекий, друг неизвестный,
Мы как свою победой горды
Твоею атакой, твоею песней,
Пламенным орденом Красной звезды.
Пусть он горит незабвенной кровинкой:
На гимнастерке суровой твоей.
Пойдешь ты в разведку, лесною тропинкой
С тобой мы отправимся—сотни друзей.
Пойдешь ты в атаку—на сердце тревога.
Следим за тобой мы сквозь пламя и дым,
И, если нужна тебе наша подмога,
Скажи только слово,—и мы прилетим.
Одним мы великим стремленьем объять!
И пишем тебе мы, волненьем полны,
Как верному другу,
 как старшему брату,
Как храброму воину нашей страны».
Нежность и дружба в тех письмах звучали.
Сто раз перечитывать я их готов.

А утром к Морозову в дверь постучали
Сто новых писем

из ста городов.

И письмоносец товарищ Митя

Начал прямо-таки голосить:

«Этих писем, вы извините,

Мне носить и не переносить!»

Ругай меня, Митя, ругай построже.

Я ничего не скажу в ответ.

Но только пойми: этих писем дороже

И прекраснее в мире нет.

Это пришло из-под тихой крыши,

Девичьи губы шептали его.

А это послали семь ребятишек

Из садика детского своего.

Для них писать—это, братец, работа.

Бумага огромна, ручонка мала.

Ведь каждая буква для них была

Словно первый полет для пилота.

Это полярные жгли морозы,

Это на крыльях несла весна.

Пишет украинка. Женские слезы

Размыли неровные строчки письма.

Оно из деревни освобожденной

Ветром апрельским занесено.

Из жизни разбитой, из хаты сожженной,

Как раненый голубь, летело оно.

Прочти — и припомни виселиц ужас,

Трупы детей в переулках пустых.

Просит жена за убитого мужа,
За свое одиночество—мстить.
С полей Украины, из глубин России
Струится тех писем чудесный родник,
И песню живую

и грозную силу,

Как сказочный витязь, я черпаю в них.
Эти слова письмоносец Митя
Выслушал тихо, спокойно, всерьез,
Встал и негромко сказал: «Извините»,
И новую пачку писем принес.
Как светлые птицы из дальнего края,
Письма летят сквозь простор голубой,
Воинов нашей страны вдохновляя
На грозный бой,

на весенний бой.

Они через доли и горы несутся,
Зовут к наступленью, к упорству в борьбе.
В пути утомившись, письмо из Якутска
Ночует в сибирской таежной избе,
Несите их, ветры, вагоны, везите,
Их сила безмерна, любовь горяча,
Встречает их письмоносец Митя,
Лишь по привычке на них ворча.
Неровные строчки, адрес обратный..
Девушки пишут, волнением полны:
Как верному другу,

как старшему брату.

Как храброму воину нашей страны.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Письмо на фронт по радио	3
Сестра	6
Ленинград	9
Встреча друзей	13
Мать и сын	17
Братство героев	19
Ваня Ястребок	23
Такой народ не будет побежден!	26
Наша Москва	30
Судьба народа	33
Светлый город	36
Кровь детей	38
Вестник нашей бури	41
Друзья лейтенанта Морозова	44

Цена 20 коп.

82

48